

К 556

12

КРО КО ДИЛ

№ 2

(К. Ротов)

„КРОЛИКОВОД“ ГОТОВИТСЯ К ОТЧЕТУ

Я СТОЮ БОСИКОМ В КОРИДОРЕ

Маргулиес. Алло! Алло! Москва. Москва.
Голоса и звуки: Челябин.. Челябин.. ту-ту-ту... Челябин.. Говорит Челябин.. Пермь... Пермь... Ту-у-у-у-у-у-у-у... Пермь. Говорит Пермь, говорит Пермь, говорит Пермь... Ту-у-у-у-у-у-у-у. Говорит Москва, говорит Москва, говорит Москва...Ту-ту-ту...

Маргулиес. Алло! Москва? Я слушаю. Алло! Алло! У телефона Маргулиес...

Голос. Вы заказывали Москву? Говорите.

Маргулиес. Алло! Говорит Маргулиес.

Катя. Я слушаю.

Маргулиес. Здравствуй, Катюша. Это говорит Додя. Ты меня слышишь?

Катя. Что? Что?

Маргулиес. Говорит Додя. Здравствуй. Я тебя, наверное, разбудил, ты спала? Извини, пожалуйста.

Катя. Я ничего не слышу. Я стою босиком в коридоре.

Маргулиес. Говорит Додя. Это ты, Катя? Я говорю: извини, я тебя разбудил, наверное?

Катя. Ради бога... Что случилось? С тобой что-то случилось? Ой, я ничего не понимаю.

Маргулиес. Ничего не случилось. Я — Додя. По-нашему — девять, а по-московски — семь. Ты еще, наверное, спала, я тебя разбудил?

Катя. Господи! Я стою босиком в коридоре. Что случилось?

Маргулиес. Ничего не случилось.

Катя. Это кто говорит?

Маргулиес. Это Додя. Говорит Додя.

Катя. Это ты, Додя?

Маргулиес. Ну, да, да. Это — я.

Катя. А мне показалось, что это какая-то женщина.

Маргулиес. Нет, нет, это я. Здравствуй. Я тебя, наверное, разбудил?

Катя. Я стою босиком в коридоре, что случилось?

Маргулиес. Ничего не случилось. Извини, я тебя, кажется, разбудил... Ты меня слышишь?

Катя. Ну, слышу. Не все, но слышу.

Маргулиес. Что?

Катя. Не все.

Маргулиес. Здравствуй, Катя.

Катя. Что случилось?

Маргулиес. Ничего не случилось. Я говорю: здравствуй, Катя. Ты меня хорошо слышишь?

Катя. Сейчас хорошо. Я стою босиком в коридоре.

Маргулиес. Поди, посмотри в моей корзине — понимаешь, корзину, — там есть такая синяя тетрадь, в корзине, литографированная, на немецком языке, в моей корзине, лекции профессора Пробста... Ты меня слышишь?

Катя. Слышу. Ты с ума сошел! Какая корзина? Я думала что-нибудь случилось. Ты меня разбудил. Сейчас семь часов. Я стою босиком в коридоре.

Маргулиес. Что ты говоришь?

Катя. Я говорю, что стою босиком в коридоре.

Маргулиес. Не в коридоре. Нет! Корзина не в коридоре, а в моей комнате, — такая синяя тетрадь на немецком языке, называется „Лекции профессора Пробста“.

Катя. Вы все с ума сошли! „Лекции профессора Пробста“ я вчера послала Мише в Харьков, он прислал молнию.

Маргулиес. Какая молния?! Что молния?! Как ты смела! Кто тебе позволил. Какой Миша?!

Катя. Миша Афанасьев. Помнишь Мишу Афанасьева? Володин товарищ. В Харьков спешной почтой.

Маргулиес. Ох, дура!

Катя. Что?

Маргулиес. Я говорю: ох, дура!

Катя. Я ничего не слышу, что ты говоришь?

Маргулиес. Я говорю — дура!

Катя. Не понимаю. Говори по буквам.

Маргулиес. Д-у-р-а. Ну?

Катя. Не понимаю. Какая первая буква?

Маргулиес. Д. Первая буква Д. Дмитрий. Ульяна. Родион. Акулина. Ду-ра!

Катя. Теперь понимаю: дура (длинная пауза).

Маргулиес. Катя, ты у телефона? Катя, ты у телефона?

Катя. Я стою босиком в коридоре.

Маргулиес. Вот что, Катюша, ты меня, пожалуйста, извини, что я тебя разбудил, но я тебя очень прошу надеть что-нибудь на ноги и сейчас же съездить к профессору Смоленскому. Ты меня слушаешь?

Катя. Да.

Маргулиес. Запиши адрес: Молчановка, дом № 10, квартира 14, профессор Смоленский. Записала?

Катя. Ну, записала.

Маргулиес. Повтори.

Катя (зевая). Профессор Смоленский. Молчановка, 10, квартира 14.

Маргулиес. Правильно. Скажи ему, что кланяется Маргулиес — он меня знает — и просит дать аналитический расчет. Ты меня слышишь?

Катя. Слышу, слышу.

Маргулиес. Только, ради бога, золотко, не забудь. Это очень важно. Скажи, что это по поводу харьковского рекорда. Он, наверное, читал. И пусть он скажет свое мнение. И пусть подтвердит официальной телеграммой в заводууправление, копия мне. Ты меня поняла?

Катя. Поняла.

Маргулиес. Повтори.

Катя. Самый последний аналитический расчет, Харьков и официальная телеграмма.

Маргулиес. Верно. Не забудь официальную телеграмму. Я тебе буду звонить сегодня в двенадцать. Ну, как поживаешь?

Катя. Я стою босиком в коридоре. На меня жильцы смотрят.

Маргулиес. От мамы ничего не имеешь?

Катя. Додя, ты ненормальный. Я стою босиком в коридоре.

Маргулиес. Что?

Катя. Босиком в коридоре. Вешай трубку.

Маргулиес. Что?

Катя. Ничего. Дурак!

Маргулиес. Не понимаю, какая первая буква.

Катя. Д. Д. Дорофей. Ульяна. Родион Акулина. Константин.

Маргулиес. Д-у-р-а-к?

Катя. Правильно.

Маргулиес. И совсем не остроумно.

Катя. Будь здоров.

Маргулиес. Сама дура...

О Б О Д Е Ж Д Е

Нет, я не завидую. Это — не то.
Слегка сократившись в пище,
Я мог бы и сам отхватить пальто,
Чтоб в сажень были плечищи,
И туфли купил бы, чтоб лучше луны
Сверкали, под гетрами скалясь,
И лишних полметра убил бы в штаны,
Чтоб ноги в них полоскались,
И после в спешащей лавине людской,
С ухваткой заправского лорда,
По улице Горького, бывшей Тверской,
Я мог бы фланировать гордо.
Я мог бы... Но знаю, что я не смогу,
Мне будет неловко по-детски.
Сейчас я, как равный среди равных,
бегу

В толпе деловито-советской.
Курильщику весело дам прикурить,
Бегом пробегу перекресток,
И мне, как родные, горят фонари,
Как дома — знакомо и просто,
В одежде простой мне легче дышать.
Она мне привычна, как кожа, —
Свободно и тело мое и душа,
И сам я быстрее и моложе.

Я сразу готов на завод, на вокзал,
В театр — и куда угодно!
И мне наплевать, что кто-то сказал,
Будто одет я не модно.
В стране, где правит рабочий,
Мне непонятны и странны
Люди, которых пленяют у нас
Костюмы рантье иностранных.
Костюм — это форма. А форма всегда
Влияет на наши поступки,
Не даром на ум приходит вода,
Когда говорят о губке.
Попробуй закутать себя в коверкот,
Надеть оспепительный галстук, —
И сразу презрительно стянется рот,
И губы процедят — Пе-ж-жалста!
Из западных мод, как из губки вода,
Прольется непрошенный барич,
И станет легко говорить: — Господа!
И трудно сказать — Товарищи!
Я знаю, — мне бросят ехидный упрёк
Модницы с видом леди:
— Вы что же — певец дырявых сапог
И прочих царских наследий??
Отнюдь! Я не славлю старья и
рвань

И грязных сапог косолапых.
Из стирки полученного белья
Приятен мне свежий запах.
Я славлю рабфакówki новый берет,
Такой же пунцовый, как губы,
И крепкую пару новых штиблет
И теплые детские шубы.
И свой трудовой советский пиджак,
Как солнце, блестящий на локте,
Я не сменяю на модный фрак
Для танцев и фэйф-о-клон-ти.
Я рад, что все мы до одного
Роднимся словом „зарплата“,
И в целом Союзе у нас никого
Не может унижить заплата.
Я рад, что живу в трудовой стране.
В работе, в искусстве, в науке —
Всегда и везде подозрительны мне
Сверхмодные юбки и брюки.
Я им не завидую, — этих брюк
Не взял бы я даже даром,
Я с детства боюсь слишком холеных
рун,
Моноклей и платьев с муаром!

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

НА „РЕВИЗОРЕ“

(К. Рудаков)

— Подумаешь, заврался — тридцать тысяч курьеров! Вполне нормальное учреждение!

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Тетя Пелася, по мнению Переделкина, отличалась от прочих людей обоим пола потрясающей гнусностью всех своих воззрений, помыслов и чувств. Кроме этого качества, ее выделяло среди окружающих и еще одно: неизлечимая глухота на оба уха. Впрочем, безнадежно глухой тетя Пелася оказывалась только в тех случаях, когда кто-нибудь заговаривал непосредственно с нею; разговоры же, которые ни с какой стороны ее не касались, она слышала и воспринимала.

Переделкин принес из распределителя кило соленых судаков. Лизочек, жена Переделкина, потрогала судака пальцем и громко сказала:

— Вымочить надо! Тетя, голубушка, положите их в холодную воду! А я пока чай приготавливаю.

— А?.. — откликнулась тетя Пелася. — Чайку изопью я. Изопью, грешница, да и поспать прилягу; притомилась за день-деньской. Это чего: судаков ему дали?

— Соленых, тетя Пелася! Намочите их, тетя Пелася!

Тетя Пелася отошла к окошку, икнула, перекрестила рот и осудительно произнесла:

— Жи-ивая соль!.. Ты вымочи их. Да только — что в них корысти? Тоже принес, называется!.. Другое-то, го-о-осподи, носить-носить домой: и осетрины-то, и колбас-то, и сыру голландского и каких-каких разносолов!.. А! этот? Расцедрилси, называется!.. Конечно молодой же не да тетке-старухе и не то еще можно стравить: мол, таковские, спогают!..

У Переделкина сдвинулись брови. Лизочек загремела чайной посудой. Тетя Пелася перевела дух, облизнула губы и продолжала:

— А и жена хороша. Другая, сознательная, давно б чегырех хахалей завела. С ответственными распределителями б! Вот и горюшка б мало! И не осудит никто. За что осуждать? Муж до того довел!

— Ф-фу, чорт!.. — не вытерпел Переделкин. — Знаешь, Лизочек: если эту стервозу пришибить, то и отвечать не будешь.

Лизочек шепнула:

— Тише ты... Неудобно...

— Чего там тише! Не нравится ей, — пускай не прикидывается глухопыром, протоплазма египетская!.. Знаешь, Лизочек: по-настоящему я давно должен был за свой счет в крематорий отвезти эту жабью шишину!

— Ох-хо-хо! — вздохнула вдруг тетя Пелася. — Живи вот с такими... Одно утешение: святые великомученицы и не то еще претерпевали от звероправных владык! Зато и сопричислены к лику.

Лизочек опять зашептала:

— Ей-богу же, она слышит... Оставь ты ее. Старый человек...

— В том-то и беда, что старый, а не новый. — сказал Переделкин. — И даже не человек: это какой-то экстракт, зловонная вытяжка из старья!

Лизочек пожала плечами:

— А чего ты от нее хочешь: нельзя же требовать, чтоб у старухи были такие же взгляды, как у тебя!

— Я и не требую. Я хочу только одного: чтобы она соизволила про-

следовать в свою комнату. А тебя прошу заткнуть уши. Потому что, если она сейчас не уйдет, я начну такие слова загибать...

Тетя Пелася издала какой-то неясственный, но чрезвычайно прерывательный звук и величаво поплыла к двери.

— Ну, зачем ты с ней так? — расстроилась Лизочек. — И то уж от нее про тебя ни одного доброго слова не услышишь!..

— Это-то и хорошо, — сказал Переделкин. — За ней должны бы специальное агентурное наблюдение установить: про которого человека Пелася скажет хоть одно доброе слово, — того человека, значит, сейчас же нужно приговаривать к пяти годам с изоляцией. Ошибки быть не может!

— Ну, уж ты слишком... Вообще, что с тобой сегодня? Какие-нибудь неприятности?

— Никаких. Просто невесело как-то. Проходимцев много кругом. Бездельников. Только и думают, как бы кусок урвать...

— Ну, уж ты тетю Пеласю и куском будешь попрекать?..

— Да не поминай ты ее к ночи! Я не про тетю Пеласю. А вот хоть Долгоносова взять!..

— А что Долгоносов? Что такое?.. — заинтересовалась Лизочек.

— Доподлизывался до своего, — хмуро сказал Переделкин. — Спецставку получил. А за что?

Лизочек села на стул, опустила руки и глухо, усохшим голосом произнесла:

— Так... Ну, а ты?..

— Я-то? А я ничего, — с нестерпимой кротостью ответил Переделкин. — Я что ж?.. Хоть и служу дольше, чем он, да что ж уж...

В воздухе помрачнело. Вдоль по стенке неслышно прокралась тетя Пелася и, с тряпкой в руке, сделала стойку возле пыльного фикуса. Лизочек вскочила, побарабанила пальцами по столу и опять села.

— О-чень хороша! — сказала она, испепеляя Переделкина негодующе-скорбным взглядом. — На тебе, значит, пускай будут ездить, на тебе пускай воду будут возить, а спецставка — Долгоносову? А ты, значит, ляжку тяни, ты старайся, ты все часы высиживай, ты...

У Лизочки нехватало подходящих слов. Переделкин воспользовался непредусмотренной паузой и бодро заявил:

— Нет уж, этого больше не будет! Довольно! Принципиально не стану!..

— Чего не станешь?

— Этого самого. Они со мной так, — ну, и я с ними этак же. Не беспокоюсь, хватит у меня делать только вид, что работаю! Надрываться?.. Да лучше я выгодное со-вместительство себе подыщу... А, чорт, опять глухой тарантул прорвался сюда?!

Но глухой тарантул последних слов не расслышал. Губы глухого тарантула расползлись в ангельскую улыбку. По лицу разлилось благоволение. Тарантул подплыл к столу, взял стакан с чаем, поднес его из своих рук Переделкину и сладостно пропел:

— Может, и вареньица положить? Кружовничного?.. Кушай, батюшка!

ПО СЛУЧАЮ

Дня назад тому четыре Или пять, не помню точно, — Я у зава на квартире Занимался сверхурочно. И ему за чашной чаю Я промолвил, не робей: — По какому-то случаю Не в рядах ВКП(б) я! А мечтал зимой и летом, С января до января я, Совместиться с партбилетом,

Свой удел ему вверяя. Без него я — злал на камне, Без него мой путь мне узок... Парткарьера не сладка мне, —

Сладко бремя партнагрузок! Если плечи мускулисты, От нагрузки ли болеть им? Эх! Вступлю я в коммунисты Этим годом, тридцать третьим!..

Зав спустил в графин с „пшеничной“

Мандаринные очистки И сказали „Оно б отлично, Но забыли вы о чистке!“ И с улыбкой благосклонной,

Молвил: „Вы не виноваты, Но во время чистки оной Не проводят в кандидаты!“

Услышавши новость эту, Я вскочил и — замер, стоя... Но, скажу вам по секрету, И без зава знал про то я. Партбилетом мне вла- деть ли?..

Отлетит, мечта, не мучай!.. Но — теперь сам зав сви- деть —

Виноват не я, а случай! И везде за чашной чаю Объясню я, не робей, По какому по случаю Вне рядов ВКП(б) я.

Беспартийный САВЕЛИЙ ОКТЯБРЕВ

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

МУДРЫЙ САНОВНИК

Таким мы должны признать начальника управления базисным складом автоснабазы Глававтопрома г. Хмару. Этот сановник для вверенного ему склада купил в Томилине дачу. За дачу было уплачено 9.000 рублей. Но она оказалась свободной только на одну треть: две комнаты из трех и поныне заняты жильцами.

Впрочем, не эта опрометчивая покупка заставляет нас говорить о мудрости базисного начальника. Мудрость обнаружилась, когда новые обитатели дачи не поделили кухни со старыми жильцами. При сем случае начальник склада тов. Хмара на заявлении жильцов наложил краткую резолюцию, состоящую из одного матерного выражения и одной собственноручной его подписи.

Прежде всего, нельзя не подивиться мудрости помянутого нами сановника, который так решительно разрубает узлы бытовых конфликтов. А затем нельзя не отметить богатых перспектив, которые открываются в деловой переписке с введением в нее матерного лексикона. Послушное воображение наше рисует себе матерные резолюции, матерные отношения, матерные циркуляры, матерные анкеты... Впрочем, оно же — воображение — так же послушно рисует себе взыскание, наложенное на мудрого Хмару за его метод излагать свои мысли в резолюциях.

ИЗБИТЫЙ СЮЖЕТ

Избитым для нашего литературного жанра сюжетом мы считаем описание почтовых безобразий. Когда-то Щедрин указывал на достижение немецкой почты: она не засылает письма, направленные в Кронштадт (СССР, Ленинградской области), в Капштадт (Южная Африка, английский доминион). Мы с такими описками давно примирились. Даже не столько мы, сколько почта. Путались и города и адресаты. Не находились и учреждения и частные лица.

Ныне мы получили сведения о том, что почта где-то обронила и запаматовала целый город. Город Урицк, пригород Ленинграда, аннулирован ленинградской почтой.

Письмо, отправленное в Урицкий горсовет, возвращено „за ненахождением города Урицка“.

Это даже жутковато. Сегодня обронили Урицк, завтра — Самару, потом Баку, а потом какой-нибудь работник связи на периферии аннулирует Москву, и исчезнет из обихода трехмиллионная красная столица... Нет, честное слово, это страшно!

ЗАТРУДИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Оригинальные способы пополнения местного бюджета в некоторых районах превращаются в сплошную сенсацию. Вот, например, как Терпеньеvский райисполком блестяще вышел из положения:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Терпеньеvский райисполком доводит до сведения граждан Терпеньеvского района, что церковь поселка Аккермен Н. Филипповского сельсовета сдается в аренду на условиях полного ремонта.

Хорошо еще, если райисполкому арендатор попадет добросовестный и действительно произведет полный ремонт, вплоть до подновления глазурью и киноварью всех архангельских ликов... А вдруг ограничится частичной реставрацией на скорую руку Кирилла и Мефодия! Каково же будет райисполкому перед говеющими и исповедующимися?

КОНЦЫ В ВОДУ

Замена больничного режима курортным — вещь довольно обычная. Значительно реже встречается замена тюремного режима курортным. О таком случае кратко, но образно сообщает мурманская „Поллярная правда“.

„Зав. столярной мастерской „Муржилкоммунстрой“ Кезель растриал 7.776 рублей. Вместо наказания его послали на курорт курорт“.

Это и называется: скрыть концы в воду. А если около воды еще хороший дом отдыха есть — чего же еще лучше.

ПО ЗАПИСОЧКЕ

(Из мурманских зарисовок)

(К. Елков)

Разные люди приезжают в Мурманск.

Приезжают люди, замурованные в полярные меха, в бурках и душегрейках, в напульсниках и набрюшниках, с цейсом на ремне, с нивелирами и фотоаппаратом.

Профессия их загадочна. То ли это геологи, то ли это операторы из Межрабпомфильма, а может быть, агенты по подписке на календари, скоросшиватели и „Известия пожарного управления“!

Другие приезжие — звездочеты из какого-нибудь краевого учстатбюро.

Третьи — дегустаторы. Их интересуют сельдь и треска в натуральном, незасоленном, предпочтительно в жареном виде.

Четвертые — уполномоченные по шкурам белых медведей, убитых во льдах незамерзающего Кольского залива.

Пятые — интересуются исключительно китами, их семейным укладом, нравами и обычаями.

Специальные корреспонденты оперативных журналов типа „Природа и люди“ приезжают сюда, чтобы лично проверить: имеется ли на Мурманском побережье природа и проживают ли здесь люди? А если проживают, то не идолопоклонники ли они? А если не идолопоклонники, то не латинизирован ли их алфавит, имеются ли свои поэты, едят ли они сырое мясо, сняли ли их женщины чадру?..

И, наконец, не считая тех, кто действительно приезжает сюда помогать и работать, есть еще седьмая категория приезжих, которые прибыли за полярный круг „просто так“, без чьих бы то ни было поручений и неотложных заданий — просто посмотреть, как и где в общем живут, какая погода и почему масло?

Все эти семь категорий очень быстро „применяются к местности“ и обычаям.

А обычай в этой местности несколько своеобразный.

Обычай — добывать по записочке. Записочка — удочка.

Удочка закидывается.

„Коля. Вчера возле вашего коопа сгружали ящики с печеньем. Будь любезен, отпусти подательнице сего два-три-четыре кило, хотя бы лома. За мной не пропадет. Твой. П“.

Или:

„Петруша. Личная к тебе просьба, выдай для меня копченых окуньков, сколько можешь, желательно побольше. По гроб В. Д.“.

Или:

„М. М. Прошу, не откажи один (1) отрез на брюки. Не забывай мое одолжение. Иван“.

Так одна рука моет по благу другую руку, пока третья, твердая рука, не даст как следует по этим блатливым ручищам.

Все семь вышеописанных категорий козыряют вензелями и печатями. Они не просят, а только требуют, угрожают.

— Товарищ Каквастам, если сегодня же к вечеру мне не будет предоставлен вместо койки отдельный номер с умывальником, то завтра же...

Засим следуют варианты:

— Я немедленно уезжаю.

— Я даю срочную в Москву и Ленинград.

Устроившись с жилищем, категории начинают штурмовать продовольственную инстанцию:

— Если вы мне сейчас же, немедленно не выдадите, то я...

И — варианты:

— Уезжаю.

— Сообщаю куда следует.

— Молнирую в Наркомснаб.

Когда и с этим вопросом покончено, все семь категорий направляются к капитану порта.

— Если для сообщения по заливу не будет лично мне предоставлен траллер, катер или буксир, то...

И т. д. и т. д.

Не плохо в общем устраиваются. Даже обживаются. Один такой приезжий „геолог“ Азадов так в общем применился к местности, что уже других командированных спрашивает:

— Надолго к нам?

Жил Азадов в отдельном номере. Самоснабжался, отсылал домой.

Недавно его зацапали. И пришлось самозаготовителю поменять квартиру и пересесть на другой, казенный паек.

Номер Азадова освободился.

И теперь все семь вновь прибывших категорий штурмуют контору гостиницы. Грозят немедленно уехать, куда-то послать заявление, кому-то дать телеграмму.

В это же время с заднего крылечка проникает к заведующему гостиницей записочка:

„Дорогой друг К. Будь другом, помести в номере на постоянное жительство товарища, прибывшего в Мурманск на временную работу. Твой забывающий Б.“.

Чья возьмет, пока еще неизвестно. Но ходят упорные слухи, что... заведующий гостиницей сам вселится в этот номер.

Л. МИТНИЦКИЙ

— Мой муж очень гордый. Он сказал, что пока его не восстановят после чистки двадцать девятого года, он больше чиститься не будет.

ПЕРО НА ХОЗРАСЧЕТЕ

— Что это он отмежевался от своей книги? Испугался критиков?

— Нет. Опечаток.

— Отличное название для своего романа он придумал.

— Что-нибудь вроде... „Тайны Мадрида“ или „Любовь девушки“?

— Зачем... „Основы тракторного дела“. В два дня весь тираж расхватили!..

— Безобразия!.. Три года вы держите мою рукопись в портфеле!.. Волокитчики!!

— Извиняюсь, это не волокита.

— И что же?! Ведь рукопись устареет

— На это и бьем... Нам однодневок не надо, дорогой товарищ!.. Вот у нас Данте восьмой год в гранках лежит — и ничего, не боится автор.

К Р О К

СЕКРЕТАРЬ „БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ“

В поселке Шатура, в клубе имени Нариманова, — уголок Осоавиахима. В этом уголке лежит „Книга вопросов и ответов“. А в книге написано:

„Вопрос: Что такое слово Осоавиахим?“

Ответ: Тов., нужно подписывать свое фамилие. Осоавиахим есть сокращенно будущая война, у нас уже война будет не такая, какая была в Германскую, а будет война с газами химическими отравляющими веществами.

5/XI—32. Отв. секретарь Райосоавиахима Лакушин“.

Нет слов, — трудна Ланушина работа,
И парня смело можно извинить:
Ведь трудно быть секретарем
чего-то, —
Чего ты сам не можешь об-яснить.

М и х. З О Щ Е Н К О

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Иду я раз однажды по улице и вдруг замечаю, что на меня женщины не смотрят.

Бывало раньше выйдешь на улицу таким, как говорится, кандебобером, а на тебя смотрят, посылают воздушные взгляды, сочувственные улыбки, смешки и ужимки.

А тут вдруг вижу — ничего подобного.

Вот это, думаю, жалко. Все-таки, думаю, женщина играет некоторую роль в личной жизни.

Один буржуазный экономист или, кажется, химик высказал оригинальную мысль, будто не только личная жизнь, а все, чего мы ни делаем, мы делаем для женщин И, стало быть, борьба, слава, богатство, почести, обмен квартиры и покупка пальто — все это делается ради женщины.

Ну, это он, конечно, перехватил, собака, заврался на потеху буржуазии, но что касается личной жизни, то я с этим всецело согласен.

Я согласен, что женщина играет некоторую роль в личной жизни.

Все таки, бывало, в кино пойдешь, — не так обидно глядеть худую картину. Ну, там ручку пожмешь, разные дурацкие слова говоришь,—

все это скрашивает современное искусство и бедность личной жизни.

Так вот, каково же мое самочувствие, когда раз однажды я вижу, что женщины на меня не смотрят.

Что, думаю, за чорт. Почему на меня бабы не глядят? С чего бы это. Чего им надо.

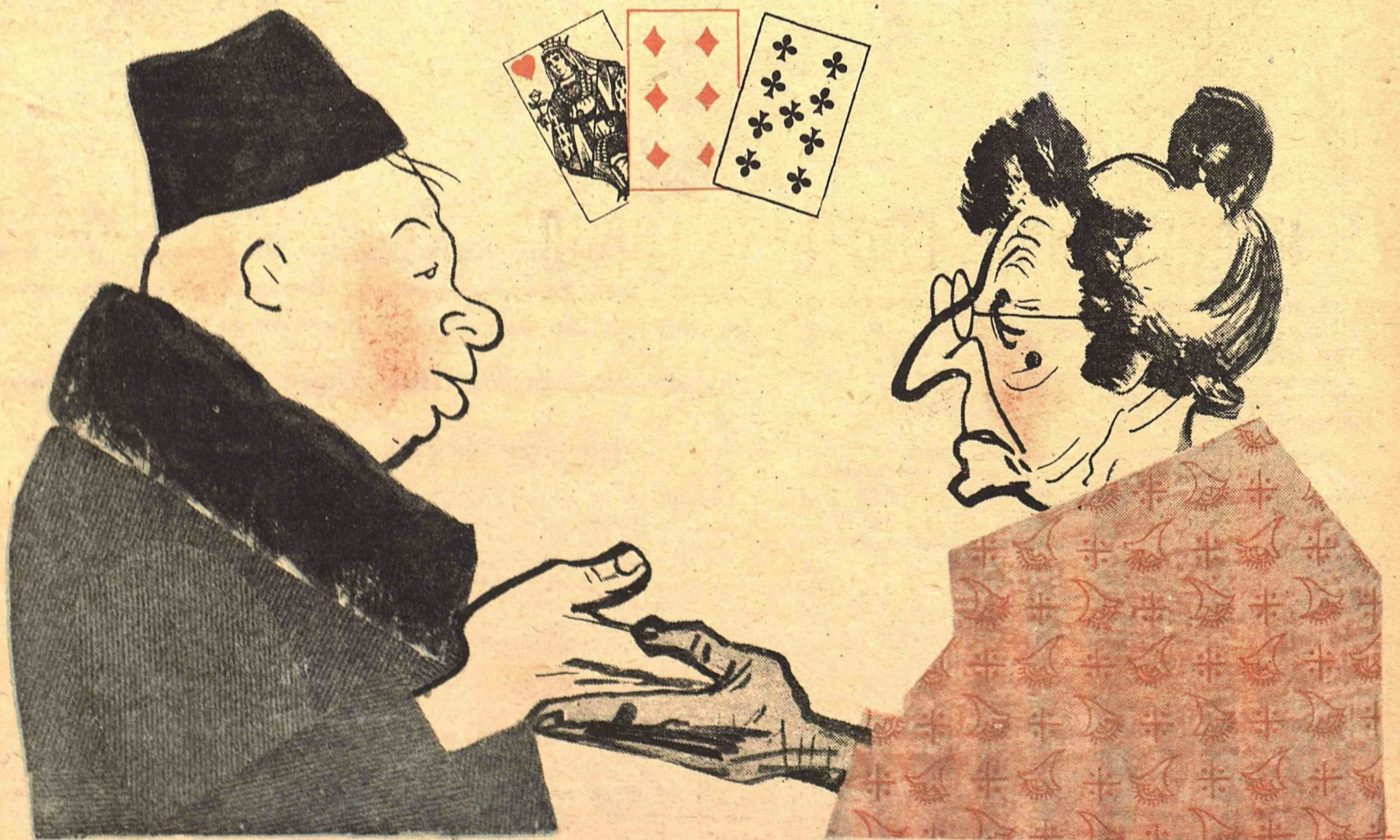
Вот я прихожу домой и поскорей гляжусь в зеркало. Там, вижу, вырисовывается потрепанная морда. И тусклый взор. И краска не играет на щеках.

— Ага, теперь понятно, — говорю я сам себе. — Надо наполнить кровью свою поблекшую оболочку. Может быть, у меня выработалась дрянная походка. Может, мне не хватает гимнастических упражнений, висения на кольцах, прыжков. Может, мне недостает крепких мускулов, на которые имеют обыкновение любоваться дамы.

Я покупаю тогда висячую трапецию. Покупаю кольца и гири и какую-то особенную рюху.

Я вращаюсь, как сукин сын, на всех этих кольцах и аппаратах. Я верчу по утрам рюху. Я бесплатно колю дрова соседям.

(Л. Бродаты)

СУДЬБЕ НАВСТРЕЧУ

— Странная тут одна у тебя линия: извилистая и быстро кончается.

— Так и зналі Наверно, партийная!

О Д И Л

Срок мератория, предоставленного Америкой своим должникам, окончился.

НОВОГОДНИЙ ГОСТЬ В ЕВРОПЕ

— Тут уже какие-то печати висят. Как быть?
— Вешайте наши. Тот, кто их наложил, тоже нам должен.

Я, наконец, записываюсь в „Динамо“. Катаюсь на лодках и на лодчонках. Купаюсь до ноября. При этом чуть не тону однажды. Я ныряю слурю на глубоком месте, но, не достав дна, начинаю пускать пузыри, не умея прилично плавать.

Я полгода убиваю на всю эту канитель. Я подвергаю жизнь опасности. Я дважды разбиваю свою башку при падении с трапеции.

Я мужественно сношу все это и в один прекрасный день, загорелый и окрепший, как пружина, выхожу на улицу, чтобы встретить позабытую женскую одобрителную улыбку.

Но этой улыбки опять не нахожу.

Тогда я начинаю спать при открытом окне. Свежий воздух внедряется в мои легкие. Краска начинает играть на моих щеках: морда моя розовеет и краснеет. И принимает даже лиловый оттенок.

Со своей лиловой мордой я иду однажды в театр. И в театре, как ненормальный, кручусь вокруг женского состава, вызывая нарекания и грубые намеки со стороны мужчин и даже толкание и пихание в грудь.

И в результате, вижу две-три жалкие улыбки, каковые меня мало устраивают.

Там же, в театре, я подхожу к большому зеркалу и люблюсь на свою окрепшую фигурку и на грудь, которая дает теперь с напряжкой 75 сантиметров.

Я сгибаю руки и выпрямляю стан и расставляю ноги то так, то так.

И искренне удивляюсь той привередливости, того фигурения со стороны женщин, которые либо с жиру бесятся, либо, пес их знает, чего им надо.

Я люблюсь в это большое зеркало и вдруг замечаю, что я одет неважно. Я прямо скажу — худо и даже безобразно одет. Прекороткие штаны с пузырями на коленях, жеваный пиджак с серым воротничком приводят меня в ужас и даже в содрогание.

Но я буквально остолбеваю, когда гляжу на свои нижние конечности, описанию которых не место в художественной литературе.

Подавленный, на скрюченных ногах, я возвращаюсь домой, давая себе слово переменить гардероб.

Я покупаю приличный пиджак с острыми отворотами.

Я покупаю брюки оксфорд, сшитые из двух галифе.

Я хожу в этом costume, как в воздушном шаре, огорчаясь подобной моде.

Я покупаю себе пальто на рынке с такими широкими плечами, которых не бывает на нашей планете.

И в выходной день однажды в таком наряде выхожу на Тверской бульвар.

Я выхожу на Тверской бульвар и выступаю, как дрессированный верблюд. Я хожу туда и сюда, вращаю плечами и делаю па ногами.

Женщины оловянными глазами искоса поглядывают на меня со смешанным чувством удивления и страха.

Мужчины — те смотрят менее косо.

Там и сям слышу фразы:

— Эва, какое чучело... Поглядите, как, сволочь, нарядился... Как, — говорят, — ему не стыдно? Находятся же прохвосты, которые наворачивают на себя по три километра материи.

Меня осыпают насмешками и хохочут надо мной.

Я иду, как скрозь строй, по бульвару, неясно на что-то надеясь.

И вдруг у памятника Пушкина я замечаю прилично одетую даму, которая смотрит на меня с бесконечной нежностью и даже лукавством.

Я улыбаюсь в ответ и три раза, играя ногами, обхожу памятник Пушкину. После чего присаживаюсь на скамеечку, что напротив.

Прилично одетая дама с остатками поблекшей красоты пристально смотрит на меня. Ее глаза любовно скользят по моей приличной

(Продолжение см. на след. стр.)

(Л. Гич)

фигуре и по лицу, на котором написано все хорошее.

Я наклоняю голову, повожу плечами и мысленно люблю стройной философской системой буржуазного экономиста.

Я подмигиваю Пушкину: дескать, вот, мол, началось.

Я снова обращаюсь к даме, которая теперь, вижу, буквально следит немигающими глазами за каждым моим движением.

Тогда я начинаю почему-то пугаться этих немигающих глаз. Я и сам не рад успеху у этого существа. И уже хочу уйти. И уже хочу обогнуть памятник, чтобы сесть на „А“ и ехать, куда глаза глядят, куда-нибудь на окраину, где нет такой немигающей публики.

Но вдруг эта приличная дама подходит ко мне и говорит:

— Извините, уважаемый... Очень,—говорит,— мне странно об этом говорить, но вот именно такое пальто украли у моего мужа. Не откажите в любезности показать подкладку.

„Ну да, конечно, — думаю, — неудобно же ей начать знакомство с бухты-баракты“.

Я распахиваю свое пальто и при этом делаю максимальную грудь с напряжкой.

Оглядев подкладку, дама поднимает истощенный визг и крики. Ну да, конечно, это ее пальто. Краденое пальто, которое теперь этот прохвост, то-есть я, носит на своих плечах.

Ее стенания режут мне уши. Я готов провалиться сквозь землю в новых своих брюках и в своем пальто.

Мы идем в милицию, где составляют протокол. Мне задают вопросы, и я правдиво на них отвечаю.

А когда меня, между прочим, спрашивают, сколько мне лет, я называю цифру и вдруг от этой почти трехзначной цифры прихожу в шок.

— Ах, вот отчего на меня не смотрят, — говорю я сам себе. — Я попросту постарел. А я, было, хотел свалить на гардероб недостатки своей личной жизни.

Я отдаю краденое пальто, купленное на рынке, и налегке, со смятенным сердцем, выхожу на улицу.

— Ну, ладно, обойдусь, — говорю я сам себе. — Моя личная жизнь будет труд. Я буду работать. Я принесу людям пользу. Не только света в окне, что женщина.

Я начинаю издеваться над словами буржуазного ученого.

— Это брехня, — говорю я себе. — Это доجية выдумки. Типичный западный вздор. Я хохочу. Плюю направо и налево. И отворачиваю лицо от проходящих женщин.

МИХ. ЗОЩЕНКО

КТО ОН?

(Вроде басни)

Приятеля я встретил на мосту.

Разговорились на лету:

— Ты кем заделался?

Ты на каких фронтах?

Приятель рек с улыбкой на устах:

— Ты отгадай, невелика наука!

— Ты — техник!

— ...

— Инженер?

— ...

— Врач?

— ...

— Агроном?

— ...

— Помреж или помхудрук?

— Не то, ты забирай пошире!

— Ты легчик?

— ...

— Капитан?

— ...

— Ты зверовод в Сибири?

— ...

— Аптекарь?

— ...

— Тракторист?

— ...

— Закройщик? Шьешь штаны?

— Не то, тут знания нужны.

Учеба, книжки, школьные скамейки,

А я республике не стоил ни копейки.

Я не арап, не пессимист, не нытик...

— Да кто ж ты, чорт возьми?!

— ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК.

ЗАВМАГ: — Тут какое-то недоразумение! Мои хищения еще не могли быть обнаружены.

В. ТОБОЛЯКОВ

П Е Н А

Петр Ильич — заведующий пивной и квасной — жил и питался главным образом пеной.

— Подумать только, — говорил иногда Петр Ильич. — Ну, куда вообще пена годится? Мираж! Пш-ш-ш-шик — и нет ее. А на этот мираж умные люди дела творят...

Большой спец был он по выделке пены. Наполняя пивную кружку, он никогда не держал ее неподвижно. Напротив! Все время то поднимал, то опускал кружку, и от этого она начинала дымиться снежной пеной.

— Пиво, — говаривал Петр Ильич, — его, прежде чем налить, взвесить надо... Мы не как другие. Пенку не снимаем. Наоборот!..

Посетители редко вступали в пререкания с Петром Ильичом.

Иногда, впрочем, находились один, два терпеливца; таким Петр Ильич никогда не отказывал долить слегка кружку. И даже на плакате, висевшем в пивной, был изображен краснощекий дед, волоса у него пенились седыми кудрями, а в руке желтела кружка с шапкой белой пены.

Петр Ильич не знал, конечно, что древние греки верили, будто богиня красоты и любви Афродита родилась из пены. И в этом ничего мудреного не было, если принять во внимание, что у Петра Ильича родилось из пены кое-что более существенное. Хвастаясь перед своими близкими родственниками (он приглашал их под лозунгом „потанцуем, покушаем“) приобретениями и квартиркой, Петр Ильич говорил:

— Ничего кроватка? Это июльская пена...

— О, о, июльская пена, — вставляла жена. — Даже с хлебного кваса в те жары мы большую пену имели...

— Ничего патефончик? Выходная пена. В один выходной день столько пены набивал... Шкаф сколько стоит? Два пенюдня... Хорош пиджачок? Пена!

— Какая ж это пена? — не соображала порой тупоумная иждивенка. — Это шерсть!..

— Нет, пена! И знаете с чего? С клюквенного кваса!..

— Не может быть!..

— Может!

★

Мерлушкина жила копеечками. Она вовсе не стояла, согнувшись, с открытой ладонью на паперти. Нет, она получала свои копеечки свысока, делая слегка оскорбленное лицо. Первое время ее как кассиршу угловой булочной заедала чуть-чуть совесть, и, недодав десять копеек копеечками сдачи, она передавала копейку, говоря:

— Нет, нет, пусть за вами уж будет копейка...

Не сдавая копейку, сначала она автоматически выдвигала и задвигала ящик, где вместе с хлебными крошками валялись серебро и бронза. Разводила руками:

— Что я сделаю, гражданин? Нет копеечки сдачи... Нет у меня... Хотите, ждите...

Но это было давно. Редко какой терпеливец находился ожидать своей копеечки, большинство махало головой (руки заняты хлебом):

— А, не обеднею я с копеечки...

Мало-по-малу Мерлушкина забывала, что даже существует такая монетка, достоинством в одну копейку. Вчера какой-то гражданин возмутил даже ее. Набрав на 39 копеек белого и черного хлеба и подав два двугривенных, он остановился у кассы. Мерлушкина покосилась на зеркальце: не выпачкан ли у ней в сажу нос, — стоит человек и смотрит. Нос оказался в порядке, и поэтому, выглядывая из своего скворечника, она крикнула командным языком:

— Не задерживайте, гражданин. Кто следующий?

— А сдачу?

— Какую сдачу? Вы сколько дали?

— Сорок...

— Ну?... А с вас 39... Так что вы хотите?..

— А копеечку...

— Копейку?... Вы что, колхозник?..

Да его разом и оттерли плечами, приговаривая:

— Буде, буде... Получил чек — и иди... Копейку ему... Напьются с утра пораньше безо времени и сами уж не знают, чего говорят...

★

Тов. Егоров жил нулем. Нуль, кажется, ничто. А зачеркнутый нуль и вовсе уж ничто. Между тем, на это „ничто, ничто“ отлично жил тов. Егоров.

Тов. Егорову как руководителю совхоза приносили смету. По этой смете значилось, что государству доведется сдать:

25.000 центнеров хлеба.

Тов. Егоров и другие, кружась вокруг последнего нулика, как курицы у зерна, начинали рассуждать:

— Отдай. А про себя и вовсе забыли...

— О себе погоди. Ты о цыплятах подумай. Они ж хотят жить. Отложи на них по фунту в день...

— Изголяешься над колхозным цыпленком! Они ж — цветы жизни, а ты воробьиные порции им кладешь...

— Да я что ж... Отмежуюсь... Я ни к чему...

— Вот еще на этих, на кроликах...

— Да ведь не развели еще?..

— Не важно. Раз по плану предусмотрены, значит, ставь...

— Товарищи, — першила в горле у кого-то совесть, — это выходит, что у нас гора урожая родила мышь...

— Спасибо, что напомнил. На угрызку мышей процент поставь.

— Товарищи, — продолжал совестливый, — это ж, как в басне Ивана Крылова „Лжец“. Там про огурец с дом говорится...

— Совсем с другой стороны, — резюмировал тов. Егоров, — подходим мы. У нас никаких огурцов с дом не будет. Точка. Мы огурцов и с собачью будку не покажем. И со скворечник не покажем огурцов, дорогой товарищ Петров. Мы огурца с огурец не покажем. А покажем, что уродились они с орех или с маковое семечко. Дескать, посохли все — и точка... А ты, дорогой товарищ Петров, говоришь „Лжец“, говоришь „Иван Крылов“, говоришь „с дом“...

И решительно зачеркивал последний нуль.

Г. КИШ

БЕРЛИН

(ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ)

КОНСПИРАЦИЯ

Состоявшийся в пригороде Берлина нелегальный конгресс молодежи был организован по правилам конспирации и окружен тайной. Место конгресса знали только десять человек. Каждый из них вел с собой десяток делегатов, не говоря, куда он их ведет. Делегатов впускали по счету и по списку и запирали на ключ. Такая предосторожность была вызвана тем, что в конгрессе участвовали, кроме комсомольцев, представители социал-демократической и гитлеровской молодежи, среди них могли быть агенты полиции.

Живущий в этом пригороде комсомолец Вилли Эш ничего не знал о конгрессе. Он беспечно разгуливал по улице, поднимая широкие плечи и попыхая трубочкой, которая не шла к его молодому лицу. Он заметил подозрительное движение возле деревянной хижинки, подумал, что собираются фашисты и решил разведать тайну и донести своим. Он мгновенно почувствовал себя героем таинственного приключения, представил себе, что его могут придушить, но не уступил малодушию и действовал твердо. Он занял позицию, с которой видел все, что происходит вокруг подозрительного дома. С учащенно бьющимся сердцем, с напряженным вниманием он простоял около часа и установил, что молодежь входит группами, смело присоединился к одной из групп и проник в помещение конгресса. Здесь он уселся в уголке на полу, набил трубку, закурил и стал с нетерпением ждать, внутренне улыбаясь своей удаче, но вдруг вытаращил глаза: на трибуну вышел один из вождей комсомола и стал докладывать о едином фронте против фашизма.

К вечеру конгресс закончил работу. Выпускали опять-таки по счету и по списку и обнаружили одного лишнего: это был Вилли Эш. Охрана переполошилась. Плечистые ребята в матросских блузах взяли Вилли под руки и сказали:

— Если крикнешь, тебе конец!

Вилли рассмеялся, сделал движение, чтобы освободиться, но мгновенно замер, у обоих его висков торчали холодные дула браунингов.

Парень в фуражке с широким козырьком шепнул ему дрожащим голосом:

— Если сделаешь еще одно движение, это будет последнее движение в твоей жизни.

Вилли пробовал объяснить, кто он такой, но это не действовало. Под строгим приказом молчать его взяли под руку и повели в райком партии. Здесь ожидали его руководители конгресса, чтобы допросить и решить его участь. Но когда секретарь райкома увидел, кого привели, он расхохотался:

— Это же наш Вилли!

Руководителям конгресса стало неловко, и они, глядя на смущенного и напуганного арестанта, хлопнули его по плечу и сказали:

— Ты хороший разведчик, раз ты сумел так ловко проникнуть к нам.

— Да! — ответил Вилли, — но вы плохие конспираторы!

У ШВЕЙЦАРА

Уходя из гостиницы, я заметил высокую, прилично одетую женщину, в шляпе с зелеными перьями. Она просила швейцара:

— Сделайте для меня, я вас очень прошу...

Швейцар отвечал холодно:

— Может быть, но не ручаюсь!

Женщина повторила свою просьбу с выражением мольбы:

— Я вас очень прошу! Вы не можете себе представить, как это для меня важно...

— Может быть, но обещать не могу! — ответил швейцар. В голосе у него было высокомерие и явно выраженное желание скорей избавиться от собеседницы. Но женщина не уходила. Она смотрела на швейцара глазами, увлажнившимися от слез, и вторяла:

— Прошу вас, я не могу больше ждать, от этого зависит моя жизнь...

Позже я спросил швейцара, чего добивалась женщина в шляпе с зелеными перьями. Швейцар ответил несколько раздраженно.

— Она просит дать ей постирать белье для гостиницы, но мне уже надоело такие просьбы. Каждый день приходят десятки людей и просят работы. Это какой-то новый вид нищенства... вымаливать работу.

ОСОБЫЕ ПРИМЕТЫ

(А. Топиков)

— Как найти вашего коопуполномоченного?

— А вот он стоит, в лаковых сапогах, драповом пальто с котиковым воротником, в новой шапке и с гусем под мышкой.

ТА ЛАН Т Ы И П О К Л О Н Н И К И

В стране существуют таланты. Мы намерены отпустить им соответствующие порции оливок и лавров. Но в стране — это совершенно естественно — гораздо больше поклонников, нежели талантов. Мы будем охранять также интересы поклонников. Такова наша программа в вопросах искусства.

ЭКЗОТИЧЕСКАЯ ПРОФЕССИЯ

Всякий труд заслуживает уважения. Хочется начать с этой прописи, чтобы избежать возможных упреков.

Дело в том, что при общей установке на уважение к труду я желал бы отметить: есть на свете профессии, коих отправление вызывает, помимо обязательного уважения, еще и некоторое удивление. Люди основных, общепринятых, что ли, разновидностей труда, скажем, врач, токарь по металлу, писатель, объясняющий, главным образом, потомству тончайшие извивы в психологии женской души на фоне строительства, — все эти люди просто не могут даже вообразить себе все причудливое многообразие существующих с ними профессий. Клопомор. Мозольный оператор. Барабанщик.

Хиромант! Мелочист (человек, сочиняющий для журналов мелочи и анекдоты)! Агент по сбыту огнетушителей!!!

Но все перечисленные бледнеют перед занятиями, которые пали на удел цирковых и эстрадных артистов. Век мертвой точки. Человек-лягушка. Человек-фонтан.

Попробуем вдуматься. Значит, смысл существования взрослого человека, совершенно полноценного члена общества, заключается в том, что ежевечерне он на 15 минут вскидывает себе на плечи ноги (человек-лягушка) либо, выпив предварительно 5—6 кувшинов воды, изрыгает ее на руки желающим из публики (фонтан).

Это даже страшно. Попадись такая тема в руки Леониду Андрееву, Виктору Гюго, Юрию Олеше или Эдгару По, — бог знает, чего бы написали перечисленные корифеи литературы. Но мы настроены спокойно. Нас больше интересует не мистическая, а бытовая сторона вопроса.

В самом деле: как человек-фонтан дошел до своего зыбкого ремесла? Ведь он, вне всякого сомнения, был отроком, имел любящих родителей, собирал почтовые марки, катался на одном коньке по родному переулку...

Как же, когда, в какой момент его отрочества или юности, говоря высокочеловеческим словом, проснулся в нем человек-фонтан? Случайно ли забывшая струя обнаружила редкостный талант молодого существа? Или длительной тренировкой терпеливый отрок довел себя до нынешнего совершенства в данной области? Прибежал ли он к своим родителям, в радости крича: „Папочка! Мамочка! Ура! Фонтан!“ или, наоборот, скрывал, покуда мог, от строгого отца свои способности, а почтенный родитель ворчал на него: „Вчера опять у тебя в комнате были подозрительные брызги, фонтанируешь все, смотри, узнаю еще раз, — запорю!“

Но не к чему бросаться в такие крайности, как человек-фонтан. Возьмем самую обыкновенную чету эстрадных исполнителей нехитрого скетча на многочисленных подмостках нашего обширного отечества. Жизнь их складывается из а) пятнадцатиминутного выступления и б) прочего сознательного существования, которое направлено на подготовку указанных выше пятнадцати минут.

Вся вселенная, все многообразие бытия воспринимаются этими унылыми людьми с точки зрения их „номера“.

Слышали насчет пакта о ненападении с Францией? Попробуйте обратиться с этим к скетчистам, и вы услышите:

— Да, мы уже вставили в наш скетч две хохмы.

— Вышла новая замечательная книга...

— Это Дос-Пассоса?.. Мы уже думали. Для нашего скетча не подойдет: публика может не понять, о чем речь. Мы уже думали.

— Говорят, потрясающее открытие советских ученых...

— Гравидан, что ли? Да, это здорово. И научно и пикантно. В скетче обязательно надо про пикантное: публика любит...

15 минут скетча непреодолимой тяжестью висят на жизни эстрадника, его семьи и знакомых. Ночью можно встретить бредущих по темным переулкам скетчистов. Лица их бледны под светом луны, чемоданы с париком неправдоподобного цвета, сценическими очками без стекол и грязным куском гуммы, сохранившим форму носа, — чемоданы почти волочатся по земле. Партнеры топают молча.

Не ранее, чем через полчаса паузы, тот, который больше администратор, чем актер, тяжело вздыхает и говорит:

— А может быть, все-таки кончать номер пощечиной?

Второй — больше актер, чем администратор, также вздыхает:

— Я уже думал об этом. Лучше кончать пинком...

Особым источником страданий эстрадника является проблема репертуара. Человек-фонтан сам придумывает, что и в каком порядке ему глотать и выблевывать. Человек-лягушка лично знает, куда он может совать ноги, а куда не может. А исполнители скетчей лишены возможности писать для себя. Тут требуется постороннее лицо.

И горе тому, кто хоть в какой-нибудь степени может восполнить литературный пробел. С таким человеком эстрадники обращаются, как с заупрямившейся коробкой консервов: стараются во что бы то ни стало открыть и содержимое отнять себе на потребу.

При виде литератора эстрадники сжимают кулаки и по взаимному мимическому сигналу отрезают ему пути к бегству.

— Написали бы нам, — ласково щерясь, говорит один из скетчистов.

— Нам бы. Написали, — подтягивает второй.

— Да я, знаете, не умею... не знаю, что нужно...

— Вы не знаете?!

Кто ж тогда знает?!

— Кто? Да! Кто же знает? — повторяет второй.

— Вот мы в одном журнале читали ваше... не помню уж что, в стихах...

— В стихах. Да. Не помню...

— Помилуйте, я в стихах не пишу...

— Все равно. Помню, нам очень понравилось...

— Понравилось. Нам.

Через полтора часа уговоров литератор выпускает стон, напоминающий лязг сломанной пружины, и соглашается. И тогда начинается разговор, похожий на беседу с портным об имеющихся быть сшитыми брюках.

Но, сложив часть своего бремени на другого, эстрадники не чувствуют облегчения. 15 минут призрачного существования на эстраде беспокоят их все так же. Они идут, вздыхая и сощещаясь:

— А может, все-таки, кончать телефонным звонком?

— Я уже думал. Лучше будет кончать куплетами.

Экзотическая профессия!

В. АРДОВ

30-го декабря в Москве открылась выставка работ заслуженного деятеля искусств П. П. Кончаловского. Гвоздь выставки — картина, изображающая А. С. Пушкина в исподней рубашке во время процесса писания. Чтобы доказать Кончаловскому, как неприятно быть избранным в непристойном виде, наши художники Кукурыникисы нарисовали в такой же позе и самого заслуженного деятеля. А впрочем, это всего-навсего дружеский шарж. Все в порядке. Шлем привет уважаемому Петру Петровичу.

Ответственный редактор М. МАНУИЛЬСКИЙ

Редколлегия: Я. БЕЛЬСКИЙ, С. ДОРОФЕЕВ, М. МАНУИЛЬСКИЙ, Л. МИТНИЦКИЙ

Заведующий редакцией И. АБРАМСКИЙ

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 8. Тел. 3-70-16. Прием ежедн. с 1 до 5 час.

Подписная цена на журн.—90 к. в м.

Подписка принимается только почтой

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Москва. Изд. № 76

Сдача текста и рисунков—28/XII.

Подпись к печати — 5/1.

Статформат А9 — 220×333. Печатных листов 2. Количество знаков 65.000

Уполномоченный Главлита № В — 45167

2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Суэцкий вал, 49.

Зак. № 3360. Тираж 400.000

Оформлено Л. Бродаты. Журнал набран и отпечатан во 2-й тип. изд. ЦК ВКП(б) „Правда“. Фотомашина — П. Мягков. Репродукция под руководством Г. Жимеркина и В. Крылова. Монтаж А. Федосеева. Зав. печат. отд. — Д. Егоров и А. Давыдов.

ВОЛШЕБНЫЙ СОН

12/10/5
981

(Б. Клиич)

— Вот такой бы комиссии я не побоялся. Пусть хоть каждый день чистит!